

aimed at the addressee, besides the non-professional language used in it for non-specialists to understand as well as emotional colouring make it differ from the science discourse which is aimed at specialists and is hardly ever emotional. It is possible to define science popular discourse through the text or style but it's important to bear in mind the differences which are essential such as extralinguistic factors, communicative tasks and situations, spheres of communication, intentions of the author and addressee. So taking the above mentioned into consideration as well as the experience of the previous years' researches it's necessary to mention that the linguistic situation over discourse analysis in general and science popular discourse in particular needs further investigation, based on the results acquired and in order to reach new conclusions.

Key words: text, discourse, science popular discourse, science popular style.

УДК 811.161.1'42

Колесниченко Елена Леонидовна,

кандидат филологических наук, доцент
Горловский институт иностранных языков
ГВУЗ «Донбасский гос. пед. университет»

г. Бахмут. Украина
E-mail:zxtey@mail.ru

ПАРАДОКС В КОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В лингвистической литературе широкое распространение получает термин «комический дискурс». Его разновидностями являются юмористический, иронический и сатирический дискурсы.

Цель данной статьи – рассмотреть виды парадоксальных высказываний в комическом дискурсе. Материалом для исследования являются произведения известного сатирика М. М. Жванецкого.

Комический дискурс, по О. Ю. Вербицкой, может быть установлен, с одной стороны, как форма использования языка, которая отражает определённый тип социальной активности человека (агрессивный в иронии, сатире, сарказме и неагрессивный в юморе), создается в целях конструирования особого комического мира, с другой стороны, как последовательность речевых актов, направленных на реализацию комической иллюзии [2]. Иными словами, комический дискурс, по О. Ю. Вербицкой, – это последовательность речевых актов говорящего как определенного типа языковой личности.

Анализируя комический дискурс, Р. Лакофф выделяет следующие его характеристики: 1) взаимность ("reciprocity"), подразумевающую наличие соответствующих условий для возникновения комического дискурса; двусторонность ("bilaterality"), включающая в комический дискурс факторы адресанта и адресата (даже гипотетического); спонтанность ("conventionalspontaneity"), что, на наш взгляд, не является обязательным условием; новизна ("novelty"), т. е. наличие новой информации как условие возникновения эффекта неожиданности и, следовательно, комического эффекта на уровне прагматики [7, с. 30-32].

Природа парадокса трактуется в современной лингвистической науке неоднозначно. Одни исследователи отождествляют его с языковой аномалией (В.Д. Девкин, В.Д. Одинцов, Е.А. Селиванова), что дает им право относить к числу парадоксов любые исключения и отклонения, которые имеются почти во всех правилах, и не отражает специфики данного явления. Другие считают, что парадокс – это 1) конвергенция языковых явлений с деформацией в высказывании двух коммуникативных установок [5]; 2) алогическая связь двух частей предложения или нескольких

предложений, в которых объединяются противоречивые понятия, опровергаются общепринятые мнения и штампы [10]. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев полагают, что парадокс возникает тогда, когда разные компоненты в составе высказывания противоречат друг другу [1, С. 454].

Различаются языковые и речевые парадоксы. Первые содержатся в паремиях, а также ФЕ других типов. Термином «речевые парадоксы» обозначаются индивидуально-авторские образования, характеризующие отдельный акт коммуникации. Мы описываем речевой парадокс как высказывание, содержащее противоречие, в котором противопоставляемые единицы истинны как отдельно взятые, но абсурдны или логически ложны в совокупности. Парадокс представляет собой грамматически правильную структуру, выстроенную на основе алогической связи двух противоречивых компонентов (эксплицитного или имплицитного характера).

Парадоксальные высказывания в произведениях М. Жванецкого условно можно разделить на два типа: логико-семантические и коммуникативно-прагматические.

Логико-семантические парадоксы писателя афористичны, нередко имеют характер художественной дефиниции, своеобразие которой состоит в наличии особых семантических отношений между определяемым и определителем. По способу выражения семантических отношений парадоксальные высказывания можно условно разделить на две группы: синтагматические и парадигматические.

Синтагматический парадокс встречается в эссеистике М.М. Жванецкого нечасто. Он возникает в результате референциальной неистинности высказывания, логического абсурда. Парадокс, в отличие от апории, является ситуацией (высказыванием, утверждением, суждением или выводом), которая может существовать в реальности, но не имеет строго логического объяснения. Данные парадоксы построены на разрушении сложившейся в сознании людей картины мира. В столкновении конструкций аномального содержания с существующими в сознании реципиента представлениями, формируемыми языковой картиной мира, создается яркий смысловой контраст. Парадоксальные высказывания этого типа соответствуют не языковому значению, а смыслу: <...> *А тут десантник замахивается ножом, а вместо крика: «Пощади! Не убивай!» - «Продай нож!».* Если бы Дантес спросил: «Почем пуля?» - **Пушкин был бы жив. До сих пор** («Испытание деньгами»). П-пропозиция – ‘Пушкин жив’ приходит в противоречие с пресуппозицией ‘Пушкин мертв’.

Синтагматический парадокс как смысловой феномен возникает там, где имеет место противоречие между содержанием отдельных означаемых вербализованной части дискурса и содержанием когнитивно-прагматического фона: *И тогда он взял нож и застрелился.* Застрелиться – ‘Убить себя из огнестрельного оружия’ (словарь Д. Ушакова). Нож – это ‘инструмент для резания, состоящий из лезвия и ручки’ (словарь Д. Ушакова), но не огнестрельное оружие. Значение слов, входящих в парадоксальное высказывание, противоречит фоновым знаниям адресата. П-пропозиция – ‘Нож стреляет’, О-пропозиции - ‘Нож режет’ и ‘Пистолет (карабин, винтовка и т. п.) стреляет’.

Парадоксальным может быть высказывание, в котором нарушены причинно-следственные связи, отчего следствие, вывод не вытекают из посылки, условия: *В нашей речи при прежней жизни мат шел на каждом восьмом слове, сейчас на каждом четвертом. Значит, резерв для улучшения жизни еще есть* (М.М. Жванецкий. Менеджерам России).

Парадоксальность порождается сознательным объединением разноплановых, гетерогенных начал: *И самовар у нас электрический, и мы довольно неискренние.*

В отличие от синтагматических парадигматические парадоксы обусловлены законом асимметричного дуализма языкового знака, в частности его омонимией, синонимией, а также наличием в языковой системе словообразовательной производности, конверсивных, партонимических отношений и пр.

Пример парадокса, созданного с использованием конверсивов: *На дверях КГБ: «Прием граждан круглосуточно». – А выдача когда?»; Я тот же геолог, который ищет-ищет, хотя ничего не потерял. Великий русский язык: фразы «Я тебя не забуду» и «Я тебя запомнил» имеют разный смысл.*

Парадоксы, строящиеся на партонимических отношениях: (1) *Жизнь – как рояль: клавиша белая, клавиша черная... крышка.* (2) *По тому, как он плевал, сморкался и икал за столом, было видно, что он старается держаться прилично.* (3) *Расплата за богатство: изоляция, охрана, стресс и риск не вернуться домой. Расплата за бедность — масса свободного времени, любовь, дружба, легкое перемещение в пространстве и мечта разбогатеть, чтобы отведать сказанное выше.*

Парадигматические парадоксы квалифицируются логикой как амфиболия, эквивокация и логомахия.

Амфиболия (от греч. ἀμφιβολία – двусмысленность, неясность) – двойственность или двусмысленность, получающаяся от того или иного расположения слов или от употребления их в различных смыслах, смешение понятий: *Скромность украшает человека, нескромность — женщину.* Парадоксальность высказывания в том, что женщина не входит в семантическое поле человек. В другом примере двусмысленность возникает из-за нарушения рема-тематических связей: *Он старый дурак. Хотя возраст здесь ни при чем.* Уступительная конструкция относится не к слову *старый*, обозначающему возраст (что было бы логично), а к слову *дурак*, характеризующему умственные способности человека.

Эквивокация – двусмыслица, недоразумение, возникающее вследствие употребления какого-нибудь слова или выражения в двойном значении; многозначность одного слова, действия, явления: *Наши отношения с женщинами складываются прекрасно, если они складываются. Женщин, которые не складываются, мы бросаем.* Глагол «складываться» многозначный. Здесь реализуются сразу два значения: '1. Приобретать законченную форму, вид, структуру; формироваться, устанавливаться. 2. Принимать определенное положение, вид, форму'.

Логомахия – логическая ошибка, «спор о словах», когда в процессе общения участники коммуникации по-разному понимают значения слов, что ведет к недопониманию между собеседниками: *-Чем вы гладите тонкое женское белье? – А вы чем гладите тонкое женское белье? – Рукой.* Каламбурное звучание этому парадоксу придает многозначность глагола *гладить*: '1. Выравнивать утюгом складки, утюжить. 2. Легонько, ласково проводить по чему-нибудь ладонью, пальцами, несколько раз в одном направлении'.

Антонимические парадигматические отношения могут стать основанием для парадоксов-оксюморонов и парадоксов-антитез: *А чтобы выйти из метрической системы? Временно. Купить в акрах, продать в сантиметрах. Добываешь в тоннах, продаешь в баррелях. Чего угодно можно достичь, если его купить. Добываешь в галлонах, продаешь в литрах. И благодаришь людей за разницу.*

Оксюмороны функционируют со значением чего-то необычного, совсем непохожего на других либо как возражение при неправдивом, референциально невозможном утверждении: *В России появились первые в мире разорившиеся бедняки.*

Отношения производности являются основанием афоризмов, парадоксальных из-за нулевого денотата одного из компонентов, созданного один от другого. Объединение однокоренных слов выполняет экспрессивно-стилистическую функцию: *Надо, чтобы вы руководили принципами, а не принципами вами.*

Далее в статье будут показаны парадоксальные ситуации, которые отражены в диалогах персонажей скетчей М. М. Жванецкого и которые демонстрируют противоречия, возникающие в результате нарушения стереотипных представлений собеседников о коммуникативном контексте. Коммуникативная ситуация воспринимается как парадоксальная, потому что она основана на нарушении прагматической пресуппозиции

как отношения между говорящим и уместностью высказывания в контексте. Для анализа прагматического контекста мы использовали модель ситуации Д. Хаймса: 1) роли адресанта и адресата; 2) категория «предмет речи» (топик); 3) обстоятельства (setting), т.е. место, время и другие значимые параметры; 4) канал общения; 5) код, т.е. язык, диалект, стиль общения – он описан нами во 2 главе; 6) форма сообщения (messageform) определяет речевой жанр – беседа, спор, сказка и пр.; 7) событие (event) – природа коммуникативного события, в одном из жанров которого реализуется данная ситуация, например, любовное письмо – жанр письма; 8) ключ (key) – оценка эффективности речевого события; 9) цель (purpose) – категория, отражающая намерения участников речевой ситуации – то, что, по их мнению, должно было бы стать результатом данного речевого события [6].

Коммуникативно-прагматические парадоксы возникают в результате противоречия между компонентами коммуникативного акта.

Параметр «цель». Парадоксальные ситуации в скетчах Жванецкого возникают в связи несопадением интенций собеседников, т.е. несоответствием иллокутивной силы речевого акта (РА) и перлокутивного эффекта: адресат неправильно истолковывает намерения говорящего и по-своему реагирует на него. В приведенном ниже примере адресат реагирует не на упрек, а на ассертивный компонент предыдущего высказывания:

– Почему у вас семечки по двадцать копеек, а у всех десять?

– Потому что в двадцать больше.

Удобным способом выразить коммуникативное намерение является косвенный речевой акт, иллокутивная сила которого выражена имплицитно, «под маской» другого РА. В произведениях писателя мастерски обыгрываются языковые особенности его пропозиционального содержания:

– Что ты знаешь! Я не могу с ним ходить по магазинам, он им подсказывает ответ. "Скажите, пива нет?" Они говорят: "Нет". "А рыбы нет?" Они говорят: "Нет". Тридцать лет я с ним мучаюсь. Он газету не может купить. Он говорит: "Газет нет?" Они говорят: "Нет".

Парадокс основан на оппозиции *есть/нет*.

Нередко остроумные одесситы используют косвенные РА как средство манипуляции адресатом:

– Скажите, в честь чего сегодня помидоры не рубль, а полтора? В честь чего? – В честь нашей встречи, мадам.

Дама упрекает продавца в подорожании овощей. Вместо «почему»-вопроса она использует выражение «в честь чего-либо», т.е. ‘ради кого-нибудь, в знак уважения к кому-чему-нибудь’. Именно на это значение и реагирует продавец, обратив негативную коммуникативную ситуацию в позитивную.

Уместность использования РА регулируется постулатами Г. П. Грайса, в частности максимой количества. Комичность нижеследующего диалога определяется нарушением этого правила:

– Миша, уже есть шесть часов?

– Нет, а что?

– Ничего, мне нужно семь («Одесса»).

Здесь нарушено требование информативной важности описываемого объекта и отдельных его частей. «Ненормально говорить о несущественном или обычном, а о важном или необычном упоминать вскользь, «между прочим» или вообще умалчивать» [8, с. 387]. Аномальность первого вопроса подчеркивается последней репликой: вместо точного наименования времени (7 часов) спрашивающий почему-то называет другое, для него несущественное.

Каждый тип иллокутивного акта характеризуется условиями, выполнение которых необходимо для успешного осуществления данного типа РА. Эти условия определенным образом ранжированы: различаются предварительные условия, условия искренности и

просто существенные условия. Кроме того, каждому типу иллокутивного акта соответствуют определенные ограничения, наложенные на структуру предикации (т. е. на значение предложения). Е. В. Падучева в работе «Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Керролла» выделяет условия успешности коммуникации для вопроса: говорящий 1) не знает ответа на вопрос и 2) хочет получить информацию, он предполагает, что слушающий 3) знает ответ и 4) хочет этим ответом поделиться, но в то же время и говорящий, и слушающий уверены в том, что говорящий не получит информацию, не обратившись к слушающему [11]:

Простите, это Винница?

– Господи, это он.

– Скажите, это Винница? Мне выходить.

– Смотри, это он.

– Проводник, это Винница?

– Вы меня извините, но я без смеха не могу на вас смотреть.

– Скажите, это Винница?

– А вы мне не подпишете...

– Мне в Виннице выходить.

– Он что, в нашем вагоне был?

– Мне выходить?

– В Виннице выйдете.

– Значит, Винница.

Текст состоит из 6 диалогических единств. В каждом из них восторженная проводница, а затем ее коллега, узнав в пассажире известного сатирика, уклоняются от ответа, невольно нарушая 4 условие успешности РА вопроса.

Оригинальным способом создания прагматического парадокса является иллокутивное самоубийство (З. Вендлер). Этим термином называют перформативное использование глаголов, совершенно к этому не приспособленных. Перформатив - это действие, которое осуществляется одновременно и в речи, и во внеязыковой действительности: «Я клянусь» или «Я открываю эту церемонию». Речевая и неречевая цели полностью совпадают. Произнося «клянусь», говорящий одновременно и клянется. Произнося «предупреждаю», тем самым и предупреждает. Но нельзя сказать «Я угрожаю» с целью высказать угрозу, «Я намекаю» - и разрушить намек. М. М. Жванецкий доводит подобные ситуации до абсурда:

– Зинаида, заткнись!

– Да я молчу.

Произнося «Молчу!», собеседница совершает иллокутивное самоубийство, поскольку в это время говорит.

Парадоксальная ситуация в скетчах М.М. Жванецкого нередко создается за счет «подмены» одного коммуникативного события другим, прямо противоположным:

Жилец. Почем стоит похоронить?

Бригадир. С почестями?

Ж. Да.

Б. Не торопись?

Ж. Да.

Б. По пятерке на лицо.

Ж. - А без покойника?

Б. По трешке, хотя это и унижительно.

Вопрос «А без покойника?» не просто нарушает сценарий, а делает его абсурдным. Дальнейшее развитие событий лишь усугубляет ситуацию:

Ж. Хорошо, договорились. Играйте. Только пойте: «В память Сигизмунда Лазаревича и сестры его из Кишинева».

(Музыканты по сигналу начинают играть и петь: «Безвременно, безвременно. На кого ты нас оставляешь? Ты - туда, а мы здесь. Мы здесь, а ты - туда». За кулисами крики и плач. Кого-то понесли).

Б., повеселев: «Вот вам и покойничек».

Ж. Нет, нет. Это только что. Это мой сосед Сигизмунд Лазаревич. У него сегодня был день рождения («Как шутят в Одессе»).

В итоге происходит смена коммуникативных событий: «день рождения» → «похороны».

Парадоксальные ситуации в речи персонажей М.М. Жванецкого возникают в том случае, если нарушается параметр «предмет речи», за который отвечает закон тождества (каждое осмысленное выражение должно употребляться в одном и том же значении; предпосылкой его выполнимости является возможность различения и отождествления тех объектов, о которых идёт речь в данном рассуждении). В обыденной речи от подобного закона говорящие постоянно отступают, а гипертрофированное его нарушение создает парадоксальный эффект. Подобные высказывания, не соотнесенные с конкретным референтом, где ослаблена связь языкового знака с объектом действительности, принято называть референцированными: *Вот, возьмите успокаивающее. А вот и патроны к нему.* Транквилизатор – это лекарственное вещество, оказывающее на организм человека успокаивающее действие, уменьшающее тревогу и напряжение. В данном фрагменте в роли лекарства выступает огнестрельное оружие. О-пропозиции – ‘Лекарство лечит’ и ‘Оружие убивает’. П-пропозиция – ‘Оружие – это транквилизатор (лекарство)’.

Парадоксальную ситуацию в произведениях М. М. Жванецкого создают разные типы референцированных высказываний.

Они требуют, чтобы вы сказали: звук есть или нет?

- Я не знаю. Шум есть. Шум - это звук?

- Нет, шум – это не звук. Они говорят, чтобы вы сказали. Я от них говорю. Есть звук или нет?

- Я не знаю. Шум, большой шум.

- Так, тетка, клади трубку. Шум – это звук. Всё!

<...>- Лена, скажи им, что звука нет. Шум такой, что звука нет.

-А изображение?

Произошла подмена понятий - логическая ошибка, заключающаяся в выдаче какого-либо объекта (либо явления) за таковой, каким он заведомо не является, и в использовании несоответствующего контексту определения слова. *Шум* – ‘1. Звуки, слившиеся в громкое и нестройное звучание. *Шум поезда*’. 3. Звук с неясно выраженной тональностью. *Шумы в сердце*. Звук – ‘1. Воспринимаемое слухом физическое явление, вызываемое колебательными движениями частиц воздуха или другой среды. *Звук голоса. Музыкальный звук* (в отличие от шума). 2. Членораздельный элемент человеческой произносимой речи’. Иными словами, оба слова входят в одну семантическую группу и состоят в родо-видовых отношениях. Парадоксальность ситуации заключается в том, что в рамках единого речевого события понятия *шум* и *звук* либо отождествляются, либо полностью друг от друга отграничиваются. В высказывании *Шум – это звук* нарушено следующее правило определения понятия: «Определение должно быть соразмерным, т. е. объем определяемого понятия должен совпадать с объемом определяющего; они должны быть равнозначными понятиями». В высказывании *Шум такой, что звука нет* понятия противопоставляются, и дифференциальным признаком является «тон» (его наличие или отсутствие).

Перемещение референта внутри коммуникативного акта регулируется рядом правил (принцип кооперации Г. П. Грайса, правила транспорта референта Е. В. Клюева и др.). Парадоксальный эффект в произведениях М. М. Жванецкого построен на коммуникативных девиациях, вызванных нарушением этих правил.

В диалоге (*-Как проехать к центру? - Очень просто, -и ушел*) нарушена максима количества. Подчинение этой максиме требует адекватно нормировать сообщаемую информацию. Персонаж нарушает это правило Г. П. Грайса. Сообщенная им информация оказывается недостаточной и, таким образом, сообщение само по себе становится абсурдным.

– *Какая лодка у тебя?*

– *Лодка?.. Я с тещей в одной комнате.* Нарушена максима релевантности: собеседник отклонился от темы: на вопрос о наличии лодки он сообщает о совместном проживании с тещей. Правда, это поверхностное понимание высказывания. Глубинный смысл вполне релевантен: ‘Лодки нет, потому что ни на что не хватает денег – хотя бы на отдельную комнату’.

Максима качества (истинности) звучит так: «Говори правду! Не говори того, что считаешь ложным. Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований». Практически все высказывания, содержащие противоречие, эту максиму нарушают: *Диета № 7. В ней масса достоинств. Перестал мыть ложку. Перестал ковыряться в зубах. Желудок исчез вместе с болями, несварениями. Женщины по рейтингу откатились на двадцать первое место и лежат сразу после новости о возобновлении балета <Корсар>. На собак смотрю глазами вьетнамца. Пульс и давление определяем без приборов. Печень и почки видны невооруженным глазом. Когда проступят легкие, обойдемся без рентгена и его вредных последствий.* В данном тексте тезис и аргументы явно противоречат друг другу.

Намеренное использование парадоксальных высказываний в произведениях М.М. Жванецкого можно рассматривать как устойчивую тенденцию, своего рода языковой маркер времени. Причины появления такой тенденции в языке в определенной степени носят экстралингвистический характер. Современного адресата трудно удивить, и, чтобы привлечь его внимание, требуется достаточно сильные экспрессивные средства, при использовании которых ставка делается на неожиданность, шок. Другая причина: алогичность, парадоксальность, абсурд, используемые при описании событий или явлений действительности, как нельзя лучше отображают характер ситуации как в бывшем СССР, так и в современном обществе в целом.

Литература

1. Булыгина, Т. В. Аномалии в тексте: проблемы интерпретации [Текст] / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. – М., 1990 – С. 103-104.
2. Вербицкая, О. Ю. Опыт лингвистического исследования парадоксального речевого акта в комическом дискурсе [Текст] : дисс. ... к. филол. н. / Ольга Юрьевна Вербицкая. – Иркутск, 2005. – 173 с.
3. Габидуллина, А. Р. Парадоксальные высказывания в произведениях В. Ерофеева [Текст] / А. Р. Габидуллина // Східнослов'янська філологія: зб. наукових праць / Горлівський держ. пед. ін-т іноземн. мов; Донецький нац. ун-т. Редкол.: С.О. Кочетова та інш. – Вип.21. Мовознавство. – Горлівка: Видавництво ГДППМ, 2011. – С. 3-12
4. Ганеев, Б. Т. Парадокс: парадоксальные высказывания [Текст] / Б. Т. Ганеев. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2001. – 400 с.
5. Овсянников, В. В. Языковые средства выражения комического в англоязычной прозе [Текст] : Автореф. дис. ... к. филол. н. / В. В. Овсянников. – Ленинград, 1981. – 23 с.
6. Hymes, D. Models of the Interaction of Language and Social Life [Текст] / D. Hymes // Directions in Sociolinguistics: the Ethnography of Communication. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. – PP. 35-71.
7. Lakoff, R. T. Persuasive discourse and ordinary conversation, with examples from

advertising [Текст]/ R. T. Lakoff // Analyzing Discourse: Text and Talk. – Washington: Georgetown university, 1982. – PP. 30-32.

8. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – 2-е изд. [Текст] / В. З. Санников. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.

9. Селіванова, О. О. Пареміологічні парадокси в українській мові [Текст] / О. О. Селіванова // Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти). – Черкаси : Брама, 2004. – 276 с.

10. Семен, Г. Я. Лингвистическая природа и функционирование стилистического приема парадокса (на материале английского языка) [Текст] : Автореф. дис. ... к. филол. н. / Г. Я. Семен. – Одесса, 1986. – 16 с.

11. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью [Текст] / Е. В. Падучева. – М. : УРСС, 2001. – 287 с.

Аннотація

Колесниченко Е. Л. Парадокс в комическом дискурсе

Статья посвящена исследованию семантико-стилистических и коммуникативно-прагматических особенностей парадоксальных высказываний в произведениях М.М. Жванецкого.

Синтагматический парадокс возникает в эссеистике М. М. Жванецкого как результат референциальной неистинности высказывания, логического абсурда. Парадигматические парадоксы обусловлены законом асимметрического дуализма языкового знака, его омонимией, синонимией, паронимией, а также наличием в языковой системе антонимических, партонимических, родо-видовых и других отношений.

Прагматическими парадоксами могут быть лишь противоречивые высказывания, содержащие прагматический контекст, выражающий некоторую ситуационную коллизию. Он основан на нарушении разных аспектов коммуникативного контекста.

Ключевые слова: парадокс, антифразис, оксюморон, симплока, парадоксальные ситуации.

Анотація

Колесніченко О. Л. Парадокс у комічному дискурсі

Стаття присвячена дослідженню семантико-стилистичних та комунікативно-прагматичних особливостей парадоксальних висловлювань у творах відомого сатирика М. М. Жванецького. Синтагматичний парадокс виникає внаслідок референціальної неістинності висловлювання, логічного абсурду. Парадигматичні парадокси обумовлені законом асиметричного дуалізму мовного знака, його омонімією, синонімією, паронімією, а також наявністю мовної системи антонімічних, партонімічних, родо-видових та інших відносин.

Прагматичними парадоксами можуть бути лише суперечливі висловлювання, що містять прагматичний контекст, який виражає деяку ситуаційну колізію. Він заснований на порушенні різних аспектів комунікативного контексту.

Ключові слова: парадокс, антифразис, оксюморон, симплока, парадоксальні ситуації.

Summary

Kolesnichenko E. L. Paradox in the comic discourse

The article is dedicated to the research of the semantic-stylistic and communicative-pragmatic features of the paradoxical statements in the works of M. M. Zhvanetsky.

Syntagmatic paradox arises in the essays of M. M. Zhvanetsky as a result of referential untruthfulness statements, logical absurdity. Paradigmatic paradoxes are caused by law asymmetric dualism of the linguistic sign, its homonymy, synonymy, paronymy and the presence of antonymous, paronymous, genus - species and other relationships in the language system.

Pragmatic paradoxes can only be contradictory statements containing pragmatic context that expresses a situational conflict. It is based on breach of various aspects of the communicative context.

Key words: paradox, antiphrasis, oxymoron, symploke, paradoxical situation.

УДК 81'42: 811.161.2

Синиця Ірина Анатоліївна,

доктор філологічних наук, ст. наук. співробітник
Київський національний лінгвістичний університет

м. Київ. Україна.

E-mail: isynytsa@ukr.net

АВТОРЕФЛЕКСІЯ ЯК ОЗНАКА ЖАНРУ

(на прикладі передмови І.Я. Франка «Дещо про себе самого»)

Будь-які питання, пов'язані з пізнанням внутрішніх процесів людської свідомості, привертають увагу широкого кола фахівців. Починаючи від античності й до сьогодення філософи, психологи, педагоги, філологи працюють над осмисленням зовнішніх і прихованих виявів внутрішніх психічних процесів людини. Одним з таких виявів є рефлексія. **Актуальність** вивчення рефлексивних виявів особистості у створених нею текстах сьогодні визначена, насамперед, антропоцентричною спрямованістю гуманітарних досліджень у цілому, а також активним розвитком когнітивної лінгвістики, підвищеною увагою до аналізу відображення когнітивних процесів людської свідомості у вербальній діяльності особистості зокрема.

Онтологічні риси рефлексії визначені в концепції П. Тейяр де Шардена: «Рефлексія – це набута свідомістю здатність зосереджуватися на самій собі й опанувати себе саму як предмет, що має свою специфічну стійкість і своє специфічне значення, – здатність уже не просто пізнавати, а пізнавати самого себе; не просто знати, а знати, що знаєш. ... Рефлектуюча істота в силу самого зосередження на самій собі раптово стає здатною розвиватися у новій сфері. У дійсності це виникнення нового світу... » (переклад – наш) [11, с. 136].

Підґрунтя вивчення рефлексії у вітчизняній психології закладено працями Л.С. Виготського, С.Л. Рубінштейна, Б.Г. Ананьєва та ін., які інтерпретували рефлексію як пояснювальний принцип розвитку самосвідомості і психіки в цілому.

Надзвичайно активно дослідження рефлексії відбувається у психології і педагогіці. Насамперед, рефлексію тут розглядають як один з важливих механізмів саморегуляції, як механізм відображення особистісних смислів і принципів дій на основі встановлення зв'язків між конкретною ситуацією і світоглядом особистості, який знаходиться в основі самоконтролю і саморегуляції особистості під час спілкування й діяльності. «Саме рефлексія виводить людину із сьогохвилинного часового простору, примушуючи її звернутися до минулого з метою відображення у свідомості подій, що вже сталися, з боку, перебуваючи “над ситуацією”» [8, с. 18].

У багатьох дослідженнях, наприклад, працях О.Г. Асмолова, В.П. Зінченка, Є.Б. Моргунова, рефлексію пов'язують із здатністю людини до самоаналізу, самоосмислення і переосмислення, наділяють її можливістю стимулювати процеси самосвідомості, збагачувати «Я-концепцію» особистості, бути чинником особистісного самовдосконалення. При цьому у структурі свідомості виокремлюють не тільки буттєвий, а й рефлексивний прошарок. Саме рефлексія допомагає людині знайти вирішення творчого завдання у проблемно-конфліктній ситуації, переосмислити власні стереотипи і врешті-решт привести до перетворення своєї особистості [4]. Можливість зайняти рефлексивну позицію до себе самого створює умови для переосмислення свогоставлення до себе й до довкілля [2].